

Звуки краски

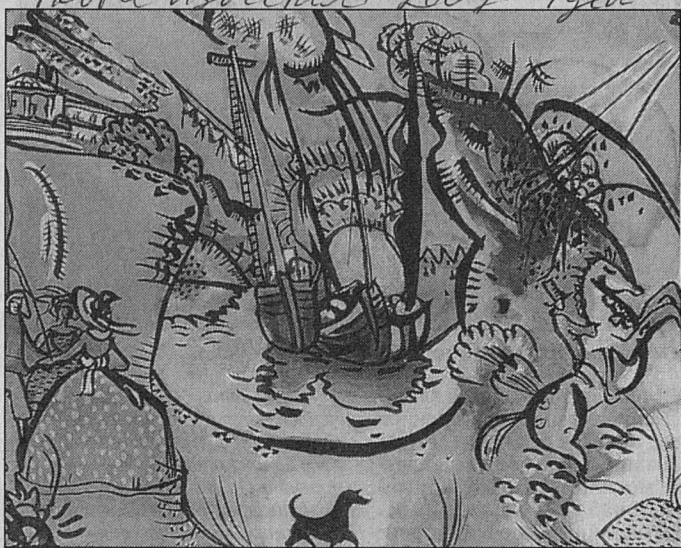
Выставка «Арнольд Шёнберг – Василий Кандинский. Диалог живописи и музыки» в Третьяковской галерее с 7

Дмитрий СМОЛЕВ,
для «Новых Известий»

Это лишь часть проекта, приуроченного к 50-летию со дня смерти австрийского композитора (когда хочется устроить что-нибудь пафосное, годятся и такие даты). Параллельно на нескольких московских площадках пройдут концерты шёнберговского фестиваля, в самой Третьяковке грядет литературно-музыкальная феерия вкупе с симпозиумом по вопросам взаимного оплодотворения искусств. Короче говоря, бледное подобие «Декабрьских вечеров» в Пушкинском музее. Там слияние муз проходит под знаком импрессионизма, здесь — под лозунгом абстракции и атональности.

Совмещение в одной экспозиции гигантов модернизма не назвешь прихотью: художника и композитора несколько лет связывала общность устремлений. Шёнберговское «Учение о гармонии» увидело свет в том же 1910 году, что и трактат Кандинского «О духовном в искусстве». Они долго и яростно переписывались, одаривая друг друга комплиментами. Живописные произведения венского музыканта по протекции его русского поклонника даже участвовали в одной из выставок «Синего всадника». Именно изобразительные опысы родителя додекафонии стали будто бы хитами нынешней выставки, но доскажем все-таки историю о творческой дружбе. Она рухнула в один миг. В 1923 году Кандинский зовет единомышленника преподавать в веймарский Баухауз, тот отказывается — вежливо, но резко. Что именно в сегодняшнем пресс-релизе названо «как-то высказыванием Кандинского, истолкованным как антисемитское», нам не известно, но на этом взаимная заинтересованность кончилась, остались редкие формальные раскливания...

Вернемся, однако, к выставке. Здесь три отчетливых раздела: предметный ряд из музыкальных инструментов, фотографий, руко-

Василий Кандинский. «Гавань». 1916 г.

писей и нотных изданий, по соседству — всемирно знаменитые произведения Василия Кандинского, чуть в глубине — едва известные холсты и рисунки Шёнберга. Последние преподносятся в качестве открытия, но оказываются всего лишь приметами биографии. Выглядит подборка не бездарной, но чудаческой и крайне дилетантской. Панегирики по поводу этих вещей, изошедшие в свое время из уст Кандинского, надо отнести на счет стратегических союзнических установок и характерной экзальтации. А может, это было своеобразным сочувствием, ведь о самом бывшем юристе поначалу отзывались так: «Он какой-то чудак, очень мало напоминает художника, совершенно ничего не умеет, но, впрочем, по-видимому, симпатичный малый» (из впечатлений Игоря Грабаря поры обучения в мюнхенской школе Ашбе).

Если Кандинский сумел совершить в живописи невероятный рывок, то Шёнберг остался здесь увлеченным маргиналом (будем надеяться, пришедшая с запозданием музыкальная слава немного

компенсировала эту травму). Он даже интриговал в голодную годину насчет карьеры портретиста — слава Богу, без успеха. В противном случае вместо додекафонии мы получили бы графоманию... Смесь символизма с экспрессионизмом, «облеченное в живописную форму внешнее выражение внутреннего впечатления» — всего лишь слова. Совершенно ясно, что Шёнберг не обладал никаким изобразительным талантом, и теперешние гастроли его арт-продукции по планете — ход не то чтобы бессмысленный, но ничего не добавляющий ни к творческому портрету, ни тем более к истории искусства.

Вопреки вернисажным уговорам главное здесь — хрестоматийный Кандинский. Его «Импровизации», «Композиции» и прочие предметно-беспредметные дела изучены вдоль и поперек, однако увидеть их в подлиннике и вместе обычно не удается. Третьяковская коллекция всегда в разъездах (это называется «международный прокат»), и теперь тот редкий случай, когда шедевры заскочили домой погостить на пару месяцев.